

ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ФРАНКЛИНА Д. РУЗВЕЛЬТА *

Н. Н. Яковлев

В начале 1910 г. Д. Мак, прокурор округа Датчес, штат Нью-Йорк, заехал в контору «Картер, Леднард и Мелбурн» подписать бумаги. Между ним и служащим конторы Франклином Делано Рузвельтом завязалась беседа. Горячий приверженец демократической партии, Д. Мак предложил юному юристу выставить свою кандидатуру на выборах в легислатуру штата Нью-Йорк. Ф. Рузвельт, не раздумывая, согласился. Через несколько дней он съездил в г. Пугкипси, где был представлен местным лидерам демократов. ФДР¹, в общем, понравился: политические дельцы учли обаяние фамилии Рузвельтов, а также сообразили, что у Франклина можно выудить в партийный фонд изрядную по масштабам провинциальной организации сумму денег.

Ф. Рузвельт к этому времени обладал довольно поверхностным политическим опытом. Вопросы партийной принадлежности для него, в сущности, были безразличны. В 1898 г., когда республиканец Т. Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк, Франклин писал из Гротона домой: «Мы дико обрадовались, узнав об избрании Тедди». В 1900 г. Франклин — член Гарвардского клуба республиканцев, активный участник факельного шествия в поддержку кандидатур республиканской партии на президентских выборах — Маккинли и Рузвельта. В 1904 г., принимая первый раз участие в выборах, Франклин отдал голос за дядю Тедди. В 1910 г. не высокие соображения, а порядок поступления предложений — первой оказалась демократическая партия — определил партийное лицо Ф. Рузвельта. Он стал демократом.

Приготовления к кампании не были сложными, разве что пришлось сначала умиротворить дядюшку Тедди. В тот период уже безработный государственный деятель, Т. Рузвельт мог одной неуместной фразой уничтожить политическое будущее Франклина. Теодор обещал промолчать о своем племяннике в политических выступлениях, хотя и не одобрил выбор им партии. Когда в округе стала известна кандидатура демократов, местная газета «Пугкипси Игл» 11 октября 1910 г. заметила: «Демократы сделали новое и ценное открытие — они сыскали Франклина Д. Рузвельта... Мистер Рузвельт окончил Гарвардский университет и делает первый шаг в политике. Полагают, что его вклад в избирательную кампанию значительно превышает четырехзначную цифру, отсюда ценность открытия... Мы уверены, что сенатор Шлоссер не будет обеспокоен выдвижением кандидатуры мистера Рузвельта». Ф. Рузвельт передал в избирательный фонд 2 500 долларов.

Он всегда ассоциировал себя с силами прогресса. В кампании 1910 г. прогресс олицетворял единственный в округе ядовито-красный автомобиль — без ветрового стекла, с исполнинскими медными фарами — «максвелл». Франклин взял его напрокат. Ретрограды, лишь взглянув на машину, уверенно предсказали жалкий конец всего предприятия: автомобиль перепугает лошадей, и фермеры, а они составляли большинство избирателей, в отместку провалят Рузвельта на выборах. Франклин, однако, верил в

* Ниже следуют извлечения из книги Н. Н. Яковлева «Франклин Д. Рузвельт: человек и политик». Работа, написанная на основании многих американских трудов о ФранкLINE Д. Рузвельте, является первой попыткой в марксистской историографии издать биографию этого выдающегося государственного деятеля США. Книга вскоре выйдет из печати в издательстве «Международные отношения».

¹ ФДР — общепринятое в американской литературе сокращение имени и фамилии Франклина Делано Рузвельта.

прогресс. Он украсил автомобиль флагами, усадясь в него и отважно двинулся навстречу судьбе. С какой скоростью? Биографы расходятся в показаниях по этому важному для потомства пункту. А. Шлезингер консервативно считает, что автомобиль «передвигался со скоростью 20 миль в час». Ф. Фрейдель, как и надлежит самому большому знатоку жизни ФДР, придерживается золотой середины: «Он мог покрывать 22 мили в час». А. Барнс в своей книге, признанной в США лучшей политической биографией Рузвельта, утверждает: машина «ехала со скоростью 25 миль в час и привлекала большое внимание»². Но биографы точно установили одно обстоятельство: когда близости оказывалась группа фермеров с лошадьми, «максвелл» уместно отказывал. Приходилось запрягать лошадей, чтобы выволить кандидата в сенат из беды. Дело не обходилось без шуток. Избиратели воочию убеждались, что будущий сенатор в их руках, и до конца использовали возможность указать непрактичному горожанину на преимущество лошади перед автомобилем. Ф. Рузвельт неизменно оказывался внимательным и вежливым слушателем.

То была деревенская идиллия, сельская пастораль. Стояло нежаркое бабье лето, окрасившее в яркие цвета рощи по обочинам дорог. Выезжали из Гайд-парка рано по утрам и весь день проводили среди избирателей. Короткие речи на перекрестках, в ригах и просто перед зеваками. Рузвельт быстро приобретал навыки американского политика: автоматическая широкая улыбка и крепкое рукопожатие. «Зови меня запросто — Франклин, а я тебя буду звать...» Том, Джон, Билл и т. д. Или: «Я не оратор, конечно, но, мои друзья...» На одном из собраний, будучи представленным, Франклин начал: «Я не Тедди». Естественно, смех. «Вчера один плутоватый мальчишка сказал мне, что он знает, что я не Тедди. Я спросил его: почему? Он ответил: «Потому, что вы не показываете зубов». Всеобщее ликование толпы. При всем этом Франклин оказался из рук вон плохим оратором. Элеонора под конец кампании решила послушать политическую речь мужа. Он говорил с громадными паузами, и любящая жена с ужасом думала о том, что раз прерванная речь больше не возобновится.

Содержание выступлений Ф. Рузвельта не отличалось большой глубиной. Он обрушился на «боссизм» в органах управления штата, то есть захват власти кучкой продажных политиканов. Один из них, Л. Пэн, в округе Чэтам во время выборов вписывал имена умерших в избирательные списки. Когда обман раскрылся, он объяснил, что не видит в этом ничего худого: ведь он знал, как бы они проголосовали, будучи живыми. Ф. Рузвельт не подчеркивал партийных граней, настаивая, что в борьбе за «чистые» нравы в политике он ищет поддержки «хороших» республиканцев. Собственно, чтобы побудить избирателей, обычно поддерживавших республиканскую партию, на этот раз проголосовать за кандидата демократов, ФДР и затеял свое автомобильное турне. Город Пугкипси проблемы не представлял, в нем всегда побеждали демократы, камнем преткновения были сельские округа площадью в 25 тыс. кв. миль. Фермерам и уделил основное внимание Рузвельт. Республиканцы, сначала сбросившие со счетов молодого кандидата демократов, спохватились поздно. Лишь в конце кампании они выдвинули против Франклина обвинение в том, что он служит в юридической фирме Уолл-стрита, обслуживающей гигантские корпорации. Ну и что, рассудила консервативная часть избирателей-республиканцев, тогда этот молодой демократ не испорчен идеями Брайана, а следовательно, ближе к нам, чем к своей партии.

Хотя злые языки совершенно неосновательно утверждали, что Ф. Рузвельт победил только потому, что в день выборов шел дождь и многие избиратели-фермеры поленились съездить на участки, его успех отражал наступление демократической партии по всей стране. Ф. Рузвельт победил Шлоссера 15 708 голосами против 14 568 (в 1908 г. Шлоссер одержал победу большинством в 2 070 голосов). По всей стране демократическая партия значительно усилила свои позиции: теперь ей принадлежало почти три пятых мандатов в палате представителей, большинство в обеих палатах легислатуры штата Нью-Йорк, а В. Вильсон был избран губернатором штата Нью-Джерси.

² A. Schlesinger. The Age of Roosevelt. The Crisis of the Old Order, 1919—1933. London. 1957, p. 342; F. Freidel. Franklin D. Roosevelt. Vol. 1. New York. 1952, p. 91; J. Burns. Roosevelt: the Lion and the Fox. New York. 1956, p. 33.

Друзья ФДР высоко оценили его успех: лишь второй раз со времен гражданской войны в округе избирался кандидат демократической партии. Коллеги Франклина на Уолл-стрите с понимающей улыбкой слушали о том, что двадцативосьмилетний политик собирается схватиться со столетним драконом — коррупцией властей штата. Один из них лукаво написал Франклину: «Если поздравление от «биржевой клики» не ранит ваши нежные политические чувства, тогда я шлю вам мои сердечные поздравления». На что Франклин ответил: «Уолл-стрит, как я выяснил за четыре года пребывания там, в целом вовсе не так уж плох».

В двадцатые годы подавляющее большинство американских историков, писавших книги об администрации Вильсона, вообще не упоминало о заместителе морского министра. Курсы истории США совершенно не пострадали от этого пропуска. В наши дни картина, естественно, иная: профессиональные историки склонны заново переоценить события, Ф. Рузвельт своими позднейшими заслугами отвоевал весьма заметное место среди деятелей администрации В. Вильсона, оттеснив даже тех, кто в 1913—1920 гг. занимал более высокие посты. Презентизм в конечном счете не вознаграждает исследователя и читателя, а приводит к смещению исторической перспективы.

Итак, в марте 1913 г. Франклин, которому едва минуло тридцать лет, занял пост заместителя морского министра. Он уселся за тот же стол, за которым пятнадцать лет тому назад другой Рузвельт — воинственный Теодор — планировал начальные кампании в испано-американской войне. Параллель между жизненным путем дяди и племянника напрашивалась сама собой, и Франклин был не из тех, кто упустил бы возможность подчеркнуть это. Через пару дней после вступления в должность, воспользовавшись отсутствием в Вашингтоне министра, он созвал журналистов. В потоке безудержного хвастовства сияющий государственный деятель бросил: «Теперь делом занялся один из Рузвельтов. Вы помните, что случилось в прошлый раз, когда один из них был на этом посту?» Рузвельты сняли в Вашингтоне «маленький Белый дом», то самое здание, в котором жил Теодор, дожидаясь, пока семья убитого президента Маккинли освободит Белый дом.

На первый взгляд Рузвельты были очень богаты — годовой доход Франклина и Элеоноры достигал 27 тыс. долларов. Из них 5 тыс. долларов — жалованье заместителя морского министра. Для большого дома — они жили на широкую ногу — 27 тыс. едва хватало. Приходилось поддерживать реноме семьи в светском обществе Вашингтона и держать иногда до десяти слуг, а это требовало расходов и расходов. Франклин знал, где и что тратить, к этому времени Сара научила сына бережливости, и он экономил на себе. Он предпочитал обедать дома, так выходило дешевле, по несколько лет носил один и тот же костюм, ездил на трамваях — расходы на такси представлялись ему излишними. Семья приобретала только подержанные автомобили. И это была не показная скромность: Рузвельты действительно едва сводили концы с концами. Ничто, в том числе и пребывание на посту заместителя морского министра, не приходило даром.

1 февраля 1917 г. Германия объявила неограниченную подводную войну. Искомый повод для вступления США в войну был под рукой. Ф. Рузвельт полагал, что время выжидания прошло. В 1939 г. он рассказывал: «Была первая неделя марта... Я явился к президенту и сказал: «Президент Вильсон, разрешите вернуть флот из Гуантанамо, направить корабли в доки Нью-Йорка с тем, чтобы подготовить их к участию в войне после нашего вступления в нее?» Президент ответил: «Мне очень жаль, мистер Рузвельт, но я не могу разрешить этого». Я продолжал настаивать, но он без объяснения причин отказал, заявив: «Нет, я не хочу, чтобы флот переводился на Север». Я служил на флоте, поэтому отчеканил: «Так точно, сэр» — и направился к двери. В дверях он вернул меня, заявив: «Я хочу объяснить вам то, что не желаю говорить публично. Я не хочу сделать ничего... в области военной подготовки, что было бы опре-

деленно истолковано будущими историками как недружественный акт в отношении Центральных держав»³.

Американская буржуазия со свойственным ей лицемерием стремилась создать наиболее благоприятное впечатление от вступления США в войну. Хотя в высших советах Вашингтона уже было принято твердое решение воевать, официально американское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы изобразить это как «вынужденное» обращение к оружию. Впоследствии Ф. Рузвельт неоднократно подчеркивал, что в последние месяцы перед объявлением войны Германии (с 3 февраля 1917 г., когда США разорвали дипломатические отношения с ней) он готовил американский флот только на свой страх и риск. На деле он не делал ничего, что не было бы заранее одобрено президентом и морским министром. Битва с администрацией была надумана самим Ф. Рузвельтом много лет спустя. Его заявления такого типа: «С 6 февраля по 4 марта мы во флоте совершили такие поступки, за которые нас можно было и все еще можно сейчас заключить на 999 лет в тюрьму» — нельзя принимать всерьез. 18 марта 1917 г. пришли сообщения о потоплении германскими подводными лодками еще трех американских судов. 20 марта кабинет решил вступить в войну с Германией. 6 апреля конгресс объявил о том, что США находятся в состоянии войны с Германией.

Объем работы морского министерства значительно возрос, личный состав флота во много раз увеличился, достигнув 497 тыс. человек к концу войны. ФДР оказался среди военных руководителей громадного ведомства, что позволило ему неизмеримо пополнить опыт администратора. Хотя Франклин и не избегал ответственности, а был только рад расширению функций министерства, он попытался заговорить о вступлении в действующую армию. Вильсон и морской министр Дэниэлс наотрез отказали: частично потому, что он был нужен на своем посту, а главным образом не желая способствовать дальнейшему росту популярности ФДР. С его речами, рассчитанными на завоевание национальной известности, администрация уже примирилась: в конечном счете, афишируя себя, он поднимал и престиж демократической партии. Но допустить повторения карьеры Теодора Рузвельта, который во время американо-испанской войны был в действующей армии, они не хотели. Военная слава в свое время прямо вывела Т. Рузвельта в президенты.

Энергичная деятельность Ф. Рузвельта по расширению флота, мобилизации ресурсов, установлению противолодочного патруля очень скоро стала вызывать трения в отношениях с неторопливым Дэниэлсом. Франклин не стал объясняться напрямик со своим начальником, что неизбежно привело бы к отставке. Он инспирировал в печати статьи против Дэниэлса. 11 мая 1917 г. «Уолл-стрит Джорнэл», например, указала: «Кто же двигает дело? Ответ прост: Франклин Д. Рузвельт». У Франклина хватило здравого смысла отклонить прямое предложение Морской лиги открыть кампанию за смещение Дэниэлса и назначение морским министром ФДР. В то же время Ф. Рузвельт подстрекнул близкого к Вильсону журналиста довести до сведения Белого дома о бюрократизме морского министерства. Журналист выполнил поручение, присовершенствовав, что, если дела в министерстве не будут делаться быстрее, им займутся газеты и республиканцы. Это возымело действие: Вильсон приказал Дэниэлсу быть энергичнее.

Своим величайшим достижением в годы первой мировой войны Ф. Рузвельт считал постановку минного заграждения через Северное море — от Англии до Норвегии, преграждавшего выход германским подводным лодкам в Атлантику. Речь шла об установке полумиллиона мин, стоимость заграждения приближалась к 500 млн. долларов. Ф. Рузвельту пришлось преодолеть многочисленные препятствия не только специалистов-моряков. Английский министр иностранных дел Бальфур указал, что вторжение в норвежские территориальные воды поднимет деликатные вопросы, регулируемые международным правом. На что Ф. Рузвельт возразил: «Если Норвегия не может выполнить своих обязанностей по предотвращению прохода германских подводных лодок через узкую полосу вдоль своего побережья., тогда представляется совершенно справедливым выполнить этот долг за нее». Несомненно, то была воляная трактовка международного права. Постановка минных заграждений началась лишь в августе 1918 г.; до конца войны было установлено 70 тыс. мин, что обошлось в 80 млн. долларов. За-

³ «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt». 1939 vol., p. 117.

граждение не успело сыграть сколько-нибудь значительной роли, скорее введение системы конвоирования, улучшение приборов обнаружения подводных лодок и конструкций глубинных бомб имели куда большее значение, чем экстравагантный план заместителя морского министра. ФДР придерживался иной точки зрения. Много лет спустя, с высоты трехэтажного Белого дома он считал: «Недовольство в германском подводном флоте стало возникать в начале октября 1918 г., оно перешло на крейсеры и линкоры и оказало громадное воздействие на мятеж всего германского флота. Не будет поэтому преувеличением заявить, что постановка заграждения в Северном море, начатая американским флотом и буквально навязанная британскому флоту, внесла определенный вклад в мятеж германского флота, затем в восстание в германской армии и, наконец, в окончание мировой войны»⁴. Историки, как известно, совершенно по-иному объясняют все эти события.

В военные годы Ф. Рузвельту пришлось много заниматься трудовыми конфликтами. Он был в составе правительственного комитета, решившего не повышать заработную плату более чем на 10%. АФТ приняла обязательство придерживаться «открытого цеха» на время войны. Но профсоюз плотников, работавших на предприятиях, выполнявших заказы флота, выступил за «закрытый цех». Рузвельт пригрозил, что в таком случае он обратится к лицам, занятым на гражданской службе. Рузвельт вообще считал, что на время войны следует принять чрезвычайные меры. «Всеобщая повинность должна применяться ко всем мужчинам и женщинам, а не только к мобилизованным в армию и флот. Чем скорее поймут этот принцип, тем лучше», — писал он в 1917 году. Сам ФДР, как видно, не понимал, что означало бы претворение в жизнь указанного «принципа». Понятно, что никто ни в правительстве, ни в конгрессе не обратил внимания на необычные предложения.

Ф. Рузвельт мог публично отстаивать только всеобщую воинскую повинность. В апреле 1917 г. журнал «Эра» писал, имея в виду его многочисленные выступления на этот счет: «Когда я читаю глупые и претенциозные суждения мистера Такого-то, который с гипертрофированным патриотическим пылом требует обязательной воинской службы для всех американских юношей, я вижу вдохновенную наивность! Какой прекрасной проверкой тезиса было бы, если бы мистер Такого-то со своими пятью сыновьями вскарабкались по грязным ступенькам вербовочного пункта... и завербовались в армию! После года службы пусть они придут и скажут, что за преимущества они приобрели». ФДР немедленно направил статью к помощнику генерального прокурора с пожеланием «запереть писаку и всю его банду в тюрьму в Атланте до конца их дней». Министерство юстиции дало официальный ответ: нет закона, по которому можно привлечь к ответственности за подобного рода статьи.

Морское министерство распределило за время войны громадное количество заказов, на которых наживались поставщики. Ф. Рузвельт считал привлечение частных подрядчиков в порядке вещей, хотя Дэниэлс упрямо пытался расширить государственные верфи и заводы. Позиция ФДР, естественно, пришлась очень по душе монополистам. Франклин сделал все, чтобы воспрепятствовать расширению производственных мощностей на государственных заводах и верфях, предпочитая выдавать заказы монополиям. Он настаивал, что функция государственных предприятий во время войны — дополнять частную промышленность, а в мирное время служить, помимо прямого назначения, своего рода лабораторией, в которой определяются издержки производства с тем, чтобы не переплачивать поставщикам, диктующим монопольные цены. Если так, тогда следующим логическим шагом должно было бы быть выступление против гигантских трестов и восстановление свободной конкуренции среди поставщиков. Практика ФДР была противоположной. Морское министерство щедро раздавало заказы тем корпорациям, руководители которых знали Ф. Рузвельта. Возникавшие скандалы не были слишком заметны в оргии военной наживы, захлестнувшей Вашингтон. Один из знавших систему распределения контрактов морским министерством заметил: Ф. Рузвельт «был находкой для любого, кто учился с ним раньше... Богатство или высокое социальное положение давали вес человеку». Это не отличало ФДР, а скорее делало его заурядным членом комитета по заведованию делами буржуазии, каковым является правительство США.

⁴ F. F. Reid. Op. cit. Vol. 1, p. 317.

Все же война была далеко. Отдельные американские юноши уже познакомились с ней в кровавых траншеях Франции, ФДР же только носил револьвер, который в 1917 г. выдала ему секретная служба. Пронесся слух, что германские агенты собираются убить нескольких американских государственных деятелей. Летом 1917 г. Элеонора с детьми уехала в Кампобелло, Франклин остался дома один. Ночью на первом этаже слышался шум, и, писал он жене на следующий день, «мне показалось, что в дом забрались. Я с полчаса сидел в ожидании на верху лестницы с револьвером в руке. Виновником оказался кот»⁵. Но Франклин Д. Рузвельт всей душой рвался принять участие в настоящих боях и сражениях. Ради этого он пожертвовал почти бесспорной возможностью быть избранным губернатором штата Нью-Йорк. Вильсон считал, что Ф. Рузвельту не следует отклонять предложение выставить свою кандидатуру на выборах губернатора. Франклин не хотел и слышать об этом. «Он остро чувствовал, что его политической карьере недоставал чрезвычайно важный элемент. В то время как сотни тысяч американцев были в форме, он носил гражданскую одежду. Он даже не побывал за океаном»⁶. Летом 1918 г. ФДР настоял на том, чтобы его послали со специальной миссией в Европу — инспектировать соединения американского флота в европейских водах, обсудить с правительствами держав Антанты различные технические вопросы.

Хотя можно было отправиться на комфортабельном транспорте, война требовала жертв. 9 июля 1918 г. ФДР поднялся на борт нового эсминца «Даер». Капитан уступил свою каюту высокопоставленному гостю, на мачте взвился флаг заместителя морского министра, и двадцать первое путешествие Франклина через Атлантику началось. Ужасы войны ожидали «Даер» у Азорских островов, куда эсминец, отделившись от конвоя, зашел за топливом. В виду островов испортилась машина, и около часа, пока ее чинили, эсминец дрейфовал. По прибытии в порт капитану сообщили, что получено радиосообщение от судна в пятидесяти милях, преследуемого подводной лодкой. Ф. Рузвельт сослался на этот факт в докладе Дэниэлсу как на доказательство необходимости прислать на базу на Азорских островах охотников за подводными лодками. И все. Элеоноре он написал, что «подводная лодка была поблизости от порта, но не решилась атаковать!» Однако чем дальше уходил памятный день, тем ближе, по словам ФДР, оказывалась к «Даеру» злобешая субмарина. Уже осенью 1918 г. он утверждал, что с лодки видели «Даер», но не напали. Побоявшись связываться с эсминцем. В 1920 г., со слов ФДР, история рассказывалась в газетах так: «Даер» превратился в линкор, «германская подводная лодка появилась у одного его борта, затем исчезла. Потом ее увидели с другого борта, и она окончательно скрылась из виду». Газеты были склонны усматривать в этом эпизоде боевое крещение заместителя морского министра. Дабы запечатлеть навек исторический день, ФДР нанял художника, написавшего картину «Американский эсминец «Даер» — флагман заместителя морского министра — в гавани Понта дель Гада, Азорские о-ва, июль 1918 года». Картина была повешена на видном месте, в библиотеке дома в Гайд-парке.

В конце июля Ф. Рузвельт прибыл в Англию, где провел переговоры с представителями адмиралтейства о координации действий флотов США и Англии. 29 июля его принял король, и в тот же день он впервые встретился на обеде с У. Черчиллем, тогда морским министром Англии. Расставшись, оба начисто забыли о встрече, и лишь в годы второй мировой войны им напомнили, что они лично знакомы. Ллойд-Джордж в беседе с ФДР пожаловался на то, что стачки затрудняют военное производство в стране. Ф. Рузвельт заверил собеседника, что «английские профсоюзы не возбудят симпатий у нашей АФТ, а твердая политика английского правительства встретит самое горячее одобрение со стороны США».

31 июля ФДР оказался наконец на подступах к фронту во Франции. Инспектируя американские части, он приблизился к зоне боевых действий. 4 августа ФДР побывал на позициях американской 155-миллиметровой батареи. Оглушительный взрыв заставил некоторых из группы упасть на землю, но то был только выстрел хорошо замаскированного орудия рядом. Боевой день запал Рузвельту в память на всю жизнь. 11 декабря 1944 г. он продиктовал свои воспоминания о нем: «Посмеявшись вместе с расче-

⁵ «F. D. R. His Personal letters». Vol. II. New York. 1950, p. 348.

⁶ J. Burns. Op. cit., p. 65.

том, мы подошли к орудию. Офицер-артиллерист нацелил его на французскую железнодорожную станцию в 12 милях. Я дергал шнур; самолет-корректировщик сообщил, что в первый раз был недолет, а другой снаряд угодил прямо на станцию, вызвав большое смятение. Я никогда не узнал, сколько убил гуннов!» Поездка по следам недавних боев — изрытые поля, расщепленные деревья, разрушенные деревни — очень взволновала ФДР. Он хотел видеть все, и сопровождавшим офицерам пришлось приложить немалые усилия, чтобы он не попал под вражеский огонь. Адъютант, пытавшийся водить его по спокойным местам, впал в немилость у ФДР и едва не был уволен с флота.

Из Франции Рузвельт отправился в Италию, где необычайно расхвалил успехи англичан в борьбе с немецкими подводными лодками в Атлантике. Он предложил перенять их методы, а главное, взять английского адмирала командовать на Средиземном море. Получился дипломатический конфликт, дошедший до Вашингтона. 10 сентября Вильсон приказал Дэниэлсу впредь заранее сообщать имена лиц, отбывающих в Европу, ибо «ездит их без счета и они берут на себя смелость говорить от имени правительства».

Перед возвращением на родину Ф. Рузвельт побывал в Сен-Назере, где инспектировал американскую сверхтяжелую батарею; 14-дюймовые морские орудия устанавливались на железнодорожные платформы. Батарея захватила воображение Франклина: она должна была принять участие в боях, ее обслуживали моряки. ФДР договорился с командиром, что он сможет рассчитывать на зачисление в батарею в чине капитан-лейтенанта. Намерение, по-видимому, было серьезным. Вмешалась болезнь. На обратном пути Франклин свалился в инфлюэнце, осложненной воспалением легких. 19 сентября его на носилках снесли с корабля в порту Нью-Йорка и поместили в госпиталь. Только в середине октября он смог вернуться к работе. Первым делом ФДР бросился к Вильсону просить о зачислении в действующую армию. Президент лаконично объяснил, что он опоздал: уже получено обращение Макса Баденского о заключении перемирия. 11 ноября 1918 г. первая мировая война окончилась.

В июне 1921 г., прослышав, что в Гротоне составляется список выпускников школы — участников войны, который будет выбит на специальной доске в здании школы, Ф. Рузвельт писал ответственным за это дело: «Хотя я и не носил формы, мое имя следует поместить в первом разделе среди тех, кто служил, в первую очередь потому, что я служил по ту сторону Атлантики, меня пощадили торпеды и снаряды и я, по существу, руководил военными делами флота в Европе, пока находился там». Он также подал заявление о вступлении в «Американский легион».

В конце июня 1920 г. конвент демократической партии собрался в Сан-Франциско. В числе делегатов был Ф. Рузвельт. С первого же дня он оказался в центре внимания. Во время хорошо подготовленной «стихийной» демонстрации в зале в честь Вильсона делегация штата Нью-Йорк осталась на месте. Демонстранты, заполнившие проходы, стыдили ньюйоркцев, но те оставались на местах. ФДР бросился к судье Дж. Махони, державшему знамя штата, и схватился за древко. Судья крепко держал знамя, но пожилому толстяку было не совладать с мускулистым ФДР. В начавшейся потасовке обоим бойцам подоспело подкрепление, судья и заместитель морского министра обменялись крепкими тумаками. ФДР, изрядно помятый, выбрался из кучки дерущихся с трофеем и торжественно понес знамя штата. С тех пор историческая реликвия с надлежащей подписью красуется в кабинете дома в Гайд-Парке.

Только на сорок четвертом туре голосования был избран кандидат в президенты — губернатор штата Огайо Д. Кокс. Делегаты устали, и им, собственно, было безразлично, кто будет предложен на пост вице-президента. Коксу назвали несколько фамилий, среди них Ф. Рузвельта. Хотя Кокс лично не знал ФДР, он остановил выбор на нем, исходя главным образом из того, что кандидат был из штата Нью-Йорк. Перед закрытием конвента ФДР был утвержден кандидатом на пост вице-президента. Он был выдвинут в значительной степени случайно и, возвратившись в Гайд-Парк, сказал правду: «Я лично не имел никакого представления о том, что буду выдвинут, за тридцать секунд до этого».

Оставалось завершить дела в морском министерстве. Это отняло около месяца, а затем короткий отдых в Кампобелло. ФДР отправился туда из Бостона на эсминце «Хатфилд» и сам провел его через опасные воды. Он гордился рекордно коротким рейсом, но забыл, что предвыборная кампания уже началась. Херстовская газета «Нью-Йорк Джорнэл» оповестила, что кандидат в вице-президенты использовал военный корабль как собственную яхту и, чтобы доставить 165 фунтов своего живого веса в Кампобелло, сжег столько угля, сколько нужно для отопления домов пятидесяти семей в течение целой зимы. ФДР не мог не вспомнить в этой связи Дэниэлса: старик неоднократно порицал его за использование своего служебного положения. В начале августа 1920 г. перед входом в морское министерство собралось свыше двух тысяч служащих. Они были свидетелями трогательного прощания ФДР с Дэниэлсом. Работники министерства преподнесли уходившему в отставку Рузвельту памятную серебряную чашу. ФДР сердечно поблагодарил Дэниэлса за то, что он «мудро учил меня ходить по земле, в то время как я стремился взлететь к небесам».

9 августа речью со ступенек своего дома в Гайд-Парке перед толпой соседей ФДР открыл свою избирательную кампанию. В области внешней политики он требовал, чтобы США не отгораживались стеной от остального мира, в области политики внутренней — «золотое правило для государственного служащего — работать с той же или даже большей заинтересованностью и эффективностью, чем он занимается своими личными делами. Нет никаких оснований для того, чтобы эффективность федерального правительства по крайней мере не соответствовала эффективности хорошо организованной частной корпорации». После речи в дорогу — трехмесячную поездку по Соединенным Штатам. Кандидат в вице-президенты от демократической партии дважды пересек страну от океана до океана, иной раз выступая больше десяти раз в день. Всего он произнес около тысячи речей. ФДР лично познакомился со всеми руководителями демократической партии на местах. Поездка проходила с большим комфортом: Ф. Рузвельт путешествовал в основном в специальном вагоне. С ним неотлучно были С. Эрли и М. Макинтайр — профессиональные журналисты, помогавшие в подготовке речей, Л. Хоу остался в Вашингтоне: ему пришлось задержаться в морском министерстве. Хотя Франклин много и энергично выступал, М. Макинтайр считал, что кандидат в вице-президенты относился к делу не слишком серьезно, скорее как спортсмен, а не политик. ФДР иногда отдавал предпочтение завершению партии в покер очередному выступлению.

Одним из основных аргументов республиканцев против вступления США в Лигу наций было то, что Соединенные Штаты будут просто «заголосованы» в ней. Англия вместе со своими доминионами имела шесть мандатов в Лиге против одного американского. Ф. Рузвельт в речи 18 августа заявил: «США в любом споре будут иметь значительно больше, чем шесть английских голосов. Можно, например, вообразить, чтобы Куба, Гаити, Сан-Доминго, Панама, Никарагуа и другие государства Центральной Америки голосовали по-другому, чем Соединенные Штаты?» Он оторвался от подготовленного текста и заверил потрясенных слушателей: «Вы знаете, что мне пришлось иметь дело с руководством парой маленьких республик. Дело в том, что я сам написал конституцию для Гаити, и если я говорю это, то, на мой взгляд, она прекрасная конституция». Кандидат республиканской партии в президенты Гардинг немедленно использовал промах ФДР. Он заявил, что после избрания президентом он, Гардинг, не будет «уполномочивать заместителя морского министра составлять конституцию для беспомощных соседей в Вест-Индии и пропихивать ее в их глотку острием штыков американской морской пехоты». Запахло скандалом. ФДР не осознал еще ущерба, нанесенного не только своей партии, но и Соединенным Штатам. 23 августа в Сан-Франциско он повторил: «Ну и что, я правил Гаити или Сан-Доминго все прошлые семь лет». Поразительные признания совпали с кампанией буржуазно-либерального журнала «Нэйшн», который вот уже несколько месяцев публиковал статьи, разоблачавшие бесчинства американской солдатни на Гаити, в том числе бессмысленные убийства мирных жителей. Республиканцы, понимая, что оглашение этих фактов опасно для государственных интересов США, в целом не слишком спекулировали на этом деле. Дэниэлс попытался помочь Рузвельту, поручив провести расследование основательности обвинений «Нэйшн». Генерал морской пехоты, занявшийся расследованием, подтвердил правоту журнала. ФДР даже хотел бросить предвыборную кампанию и вернуться в Вашингтон. Этого не потребовалось. Ф. Рузвельт все же был вынужден выступить

с опровержением, заявив, что его речь о Гаити была неверно передана корреспондентами. На том он и стоял в дальнейшем⁷.

Чем дальше Ф. Рузвельт находился от Новой Англии, тем больше в выборе тем для выступлений он полагался на местных политиков. Это завело его далеко. Дело происходило на крайнем северо-западе США, в г. Сентрейлия, штат Вашингтон. Примерно за год до этого городок потрясло кровавое преступление. Громилы из «Американского легиона» напали на клуб профсоюза рабочих лесной промышленности. В стычке были убиты с обеих сторон, один из членов профсоюза, бывший фронтовик У. Эверест, был схвачен полицией и посажен в тюрьму. Ночью толпа линчевателей вытащила Эвереста из тюрьмы и повесила его на мосту. Еще живой, Эверест пытался схватиться за край моста, но ему каблуками раздробили пальцы, а затем он был освещен прожекторами и расстрелян. Суд, естественно, нашел виновными в кровопролитии профсоюзных руководителей в Сентрейлии, и они были осуждены на различные сроки тюремного заключения — от 25 до 40 лет каждый. Бесчинства легионеров в маленьком городке вызвали гневную реакцию американского организованного рабочего движения. Ряд профсоюзов, включая крупнейший объединенный профсоюз горняков, в знак протеста исключили легионеров из своих рядов. Трагические события в Сентрейлии еще были свежи в памяти американского народа, когда в конце августа 1920 г. выступая там, ФДР напомнил о них. Он указал, что рассматривает приезд в Сентрейлию «как паломничество к могилам героев-мучеников «Американского легиона», отдавших свои жизни за святое дело американизма». С большим пафосом ФДР заявил: «Их жертва приковала внимание нации к ужасающей внутренней угрозе американским институтам. Их смерть не напрасна, ибо она подняла патриотов Великой Нации на борьбу за то, чтобы очистить страну от чужеземных анархистов, преступных синдикалистов и тому подобных антиамериканцев. Здесь в присутствии покойных, почитаемых вами, я клянусь перед Нацией, что мы преисполнены решимости продолжить эту патриотическую работу — чтобы от края до края наша земля горела под ногами тех, кто пытается силой уничтожить Конституцию и американские институты». Какова бы ни была реакция местных реакционеров, эта речь вызвала по крайней мере недоумение мыслящих американцев.

Вновь и вновь на протяжении своего турне ФДР обращался к Лиге наций. Он объяснял, просвещал и прямо требовал от избирателей голосовать за демократов, дабы США могли вступить в Лигу наций. Эта Лига, говорил ФДР, необходима для того, чтобы обеспечить Соединенным Штатам руководство миром. Без США Лига может превратиться в священный союз, направленный против Соединенных Штатов. С США она будет служить «бастионом против распространения революционных идей из России», она даст возможность избежать «красного флага». Пытаясь донести до сознания обывателей значение создания Лиги наций, ФДР сравнил ее с пожарной командой. «Но команде нужен начальник, и Соединенные Штаты будут им».

Усилия Ф. Рузвельта в кампании 1920 г. пропали даром для партии. Избиратели охотно приветствовали его лично, он определенно нравился, особенно женщинам, впервые в истории США получившим право голоса и принявшим участие в выборах. Но американский народ в целом отверг демократическую партию — 6 ноября 1920 г. Гардинг получил 16 152 220 голосов против 9 147 533, отданных Коксу. ФДР не впал в отчаяние по поводу итогов, сообщив С. Эрли: «Благодарение богу, мы еще сравнительно молоды». Одному из своих друзей, Л. Велю, Ф. Рузвельт писал: после выборов «я боюсь лишь одного: старая реакционная клика так поведет дела, что многие либералы станут радикалами, и это громадное большинство приведет к крайнему смятению в стране. Мы можем лишь надеяться, что все это не случится»⁸. В этом отношении ФДР оказался более проницательным, чем толпы республиканских лидеров, заполнивших Вашингтон. Другому своему стороннику, Т. Лингу, ФДР загадочно заметил: «Том, нашим

⁷ Когда в 1928 г. «Нэйшн» вновь упомянул о «конституции Рузвельта» для Гаити, ФДР писал в редакцию журнала: «1. Я никогда публично не заявлял, что конституция Гаити является наилучшей. 2. Я никогда не говорил, что написал эту конституцию. 3. Сознательно лжет тот, кто называет ее конституцией Рузвельта». F. F. Reid. Op. cit. Vol. 2. New York. 1954, p. 82.

⁸ L. Wehle. Hidden Threads of History. Wilson through Roosevelt. New York. 1953, p. 88.

годом будет 1932 год». Вероятнее всего, то были слова утешения, в дополнение к золотым запонкам, которые ФДР преподнес каждому из своих ближайших соратников в память о минувшей избирательной кампании. Больше он ничем не мог вознаградить их, ФДР стал частным лицом.

Отечество из рук Дэниэлса вознаградило Ф. Рузвельта за десятилетнее служение серебряной чашей. Благодарность Уолл-стрита была более ощутимой: коллега по яхт-клубу бостонский миллионер Ван-Лир Блэк предложил ФДР занять место вице-президента и директора нью-йоркского отделения «Фиделити энд Депозит Компани оф Мэриленд», Бродвей 120. Эта финансовая корпорация, третья по величине в США, занималась обеспечением поручительств при выпуске акций: она проверяла платежеспособность клиентов, их надежность и т. д. Ф. Рузвельт согласился и последующие восемь лет, вплоть до избрания губернатором штата Нью-Йорк, занимал этот пост с окладом в 25 тыс. долларов в год, что ровно в пять раз превышало его содержание в бытность заместителем морского министра.

Одновременно вместе с Т. Эмметом и Л. Марвином ФДР учредил юридическую фирму, разместившуюся в доме № 52 по Уолл-стрит. «Я рад вновь вернуться к настоящей работе,— писал он Ф. Франкфутеру.— Оба вида деятельности, по-видимому, прекрасно дополняют друг друга». Уже в конце ноября 1920 г. служащие морского министерства изумленно поднимали брови, встретив в коридоре Ф. Рузвельта. Он явился в министерство по делам нефтяной компании «Инглант Ойл Корпорейшн». Всего за год перед этим, будучи заместителем морского министра, Ф. Рузвельт добился подписания крупных контрактов на поставку нефти флоту этой компанией, обещавшей более низкие цены. В действительности нефть стала продаваться флоту даже дороже других поставщиков. Дэниэлс послал Франклина объясняться с новым заместителем морского министра Вудбери, который куда как нелюбезно обошелся со своим предшественником. В министерстве знали, что, добываясь контракта для «Инглант Ойл Компани», ФДР хлопотал за своих друзей, да и сам, хотя точные данные на этот счет отсутствуют, был материально заинтересован в преуспевании этой компании. Беседа с Вудбери, очевидно, не удовлетворила Ф. Рузвельта. Он коротко выругался после нее в адрес преемника: «Мошенник и тупица!»

7 января 1921 г. Ф. Рузвельт был удостоен высшей чести на Уолл-стрите. Был дан приветственный банкет, отмечавший вступление «молодого капиталиста», как теперь именовал себя ФДР, в круг избранных финансовых тузов. Основную речь держал президент федеральной резервной системы У. Гардинг. На обеде были издатель «Нью-Йорк Таймс» А. Орс, один из руководителей «Юнайтед стейтс стил», Э. Стеттиниус, президент «Дженерал Электрик» О. Юнг, В. Виллард, из правления «Пенсильвания Райлрод», и прочие некоронованные короли Америки.

В новом качестве Ф. Рузвельт укрепил свое положение в различных организациях и получил приглашение занять новые посты. Он был членом наблюдательного совета Гарвардского университета, директором морского церковного института, президентом военно-морского клуба, председателем клуба бойскаутов большого Нью-Йорка, находился среди основателей Фонда Вудро Вильсона, вошел в комитет помощи странам Ближнего Востока, был избран членом совета Американского географического общества и т. д.

Как и надлежит немаловажному бизнесмену, Ф. Рузвельт стал здравым в суждениях. В марте 1921 г. он пишет: «Я вовсе не разделяю мнение тех, кто требует, чтобы мы имели самый большой флот в мире». ФДР умело расширял круг своих знакомств и связей в деловом мире.

В начале августа 1921 г. Блэк предложил семье Рузвельтов отвезти их на своей яхте в Кампобелло. В густом тумане Франклин мастерски провел яхту к цели, но он был крайне истощен трудным плаванием. На следующий день ловили рыбу с яхты Франклин потерял равновесие и упал за борт. Хотя он пробыл в воде несколько мгновений, страшный парализующий холод сковал все тело. Его быстро вытащили, но он долго не мог оправиться, сотрясаясь от непроизвольной дрожи. С утра 10 августа

Франклин со старшими сыновьями катался по заливу в своей маленькой яхте «Вирео». Они заметили лесной пожар на одном из островков и сошли на берег, чтобы потушить его. Несколько часов в дыму, задыхаясь и кашляя, Франклин вместе с сыновьями боролся с огнем. Наконец пожар был погашен. Пошатываясь от усталости, почерневшие от дыма, с ожогами и ссадинами, они стояли на пожарище. ФДР тут же заявил, что лучший способ восстановить силы — купание в холодной воде. Сказано — сделано, а затем в мокрых купальных костюмах домой. Там ждала свежая почта. Франклин настолько устал, что не захотел переодеться, а уселся за газеты. Он чувствовал сильное недомогание и после раннего ужина отправился спать. На другой день состояние ухудшилось, Франклин с трудом поднялся, волоча левую ногу. Поднялась температура. Встревоженная Элеонора вызвала доктора, тот поставил диагноз: сильная простуда — и уложил больного в постель. 12 августа Франклин уже не мог встать. Болело все тело, к вечеру отказались служить ноги, он был парализован по грудь и даже не мог взять в руку карандаш. Срочно приехал Луи Хоу, он нашел Франклина в тяжелой депрессии. Едва сдерживая слезы, Луи сидел на кровати больного, массируя его ноги и спину, а Франклин механически повторял все одну и ту же фразу: «Я не знаю, что со мной случилось, Луи, просто не знаю». Элеонора и Хоу стали искать опытного врача, оказалось, что поблизости отдыхал знаменитый диагностик д-р У. Кин из Филадельфии. Почтенный, седовласый врач осмотрел больного и нашел тромбоз сосудов нижней части туловища. Он порекомендовал усиленный массаж, а через пару дней прислал счет за визит — 600 долларов! Массаж причинял Франклину невыносимые страдания и лишь ухудшил течение болезни. Много спустя ФДР признался своим близким, что в первые дни болезни он был на грани отчаяния: бог покинул его. Наконец он утешился мыслью о том, что провидение нанесло удар, но оставило его в живых для неизвестной цели.

25 августа другой врач поставил диагноз — детский паралич, полиомиелит. Он отменил массаж и предложил лечить больного горячими ваннами. К счастью для душевного равновесия Франклина, врач счел, что заболевание протекает в легкой форме и выздоровление не за горами. Сара приехала из Европы и 1 сентября навестила сына. На другой день она писала брату: «Я немедленно прошла к мужественному, улыбающемуся, прекрасному сыну. Он сказал: «Я рад видеть тебя, мамочка, и подготовился к встрече». Он сам побирился и кажется очень ясным и полным интереса к жизни. Ниже талии он вообще не может двигаться. Его ноги (а ими я всегда гордилась) нужно все время передвигать, так как они болят в одном положении. Он и Элеонора решили сохранять бодрость, и в доме царит атмосфера довольства, я последовала их достойному примеру. Только что вошел доктор Беннет, и сказал «он поправится». Они все пошли в его комнату, и оттуда доносятся взрывы хохота. Громче всех смеется Элеонора». Но то все же был смех сквозь слезы.

Луи в первую очередь думал о том, как бы болезнь ФДР не отразилась на его политической карьере. Франклин разделял тревогу Луи и даже в самые тяжелые недели болезни продолжал политическую переписку, как будто ничего не произошло. Но больного нужно было перевезти в Нью-Йорк. Луи сумел так погрузить носилки с Франклином в поезд через окно, что толпа, собравшаяся проводить ФДР, сумела найти его, когда он уже удобно устроился у окна. Зеваки собственными глазами убедились, что больной вовсе не плох. В Нью-Йорке ФДР поместили в больницу, а Луи передал в печать сообщение, что легкий паралич лишил подвижности ноги Франклина до колен. Между тем как раз в это время врачи серьезно опасались, что ФДР даже никогда не сумеет сидеть. Упрямец Луи делал это не потому, что хотел поддержать больного, читавшего газеты. Он ни за что не хотел расстаться со своей мечтой — видеть ФДР президентом США. Хоу отклонил предложение занять высокооплачиваемый пост в частной фирме и посвятил себя целиком заботе об инвалиде. «Будь я проклят, но Франклин будет президентом, с ногами или без ног», — твердил он. Или уговаривая Франклина съесть завтрак: «Это подкрепит тебя, а я уж позабочусь, чтобы ты стал президентом Соединенных Штатов». Пока же ему пришлось отбить атаку Сары.

Мать, потрясенная болезнью сына, предприняла решительную попытку овладеть своим сокровищем. Беспомощность Франклина влила в энергичную женщину новые силы. Сначала мягкими уговорами, затем самыми разнообразными хитроумными средствами она пыталась вырвать Франклина из опустыленного ей политического Нью-

Йорка и запрятать в тихом Гайд-Парке. Она знала, что сын любит родной дом. Сара не уставала повторять, что она уже сделала уступки: еще в 1915 г. дом в Гайд-Парке по желанию сына был перестроен. Тогда Франклин очень гордился тем, что сам был архитектором. Дом почти удвоился в размерах, к его южной части была пристроена библиотека, наполненная любимыми вещами Франклина. В числе реликвий стоял стол, за которым В. Вильсон составлял различные проекты Лиги наций. Все, что собрал и чем дорожил Франклин — книги, старые рукописи, касавшиеся флота, картины маринистов и коллекция марок, — находилось в Гайд-Парке. Сара постоянно напоминала об этом. Наконец она пыталась уверить Франклина, что пора кончать с «демократизмом» — водиться с политиками без роду и племени, — а нужно вернуться в круг, где достойно прожил и спокойно закончил жизнь его отец.

Бороться с Сарой было трудно, и едва ли Луи один справился бы с ней, если бы не Элеонора. Они противопоставили Саре единый фронт, считая, что с уходом от дел Франклин уйдет из жизни. Луи и Элеонора верили, что работа — лучшее лекарство против недуга. Несчастье с Франклином сблизило Луи и Элеонору. Теперь и она разглядела его беспредельную преданность Ф. Рузвельту.

Л. Хоу рассматривал всю семью Рузвельтов под углом зрения своей основной цели — сделать ФДР президентом. Если временно возможности Франклина как политика ограничены, тогда почему не попробовать на этом поприще Элеонору, чтобы имя Рузвельтов никогда не исчезало с политического горизонта, размышлял Луи. И он взялся делать политика из Элеоноры. Под руководством Хоу с ней произошла удивительная метаморфоза, хотя ученичество под его порою деспотической рукой было вовсе не легким.

Еще в 1917 г. она впервые вышла за тесные рамки семьи, занявшись организацией столовых для солдат. Зимой 1920/21 г. Элеонора изучала стенографию, училась печатать на машинке и водить автомобиль, а также компенсировала недостатки прошлого воспитания — стала готовить. Хоу приучал ее появляться на людях, в президиумах различных собраний организации демократической партии штата Нью-Йорк и, наконец, публично выступать. Последнее было самым мучительным, она затылком чувствовала саркастический взгляд своего беспощадного учителя: Хоу обычно садился за спиной Элеоноры. После первых выступлений Луи говорил ей в своей дружески-грубоватой манере: «Вы были ужасны. Ведь не было ничего смешного, тогда почему вы хихикали? Говорите ровнее и, ради бога, прекратите глупое хихиканье!» Элеонора действительно не могла справиться со своими нервами и иной раз истерически смеялась во время выступлений. К 1924 г., однако, ее обучение вчерне завершилось: она заняла видное место в кругах женщин-избирательниц, поддерживавших демократическую партию. Стратегически маневр Л. Хоу был блестящим: через Элеонору Франклин стал известен половине избирателей — женщинам.

В эти годы вокруг ФДР сложился кружок доверенных помощников, в котором верховодил, разумеется, Луи. Элеонора постепенно становилась глазами и ушами мужа. С. Эрли и М. Макинтайр, сопровождавшие Ф. Рузвельта в предвыборной кампании 1920 г., были по-прежнему привязаны к нему. Хоу, чтобы подбодрить больного, организовал «клуб золотых запонок» в память подарка, преподнесенного ФДР своим сотрудникам в 1920 году. Они ежегодно собирались в доме Рузвельтов в день его рождения. И совершенно незаменимой оказалась «Мисси», Марджери Лихэнд, привлекаемая женщина, ставшая личным секретарем Ф. Рузвельта.

В первые месяцы болезни Ф. Рузвельт, естественно, вообще не работал, затем постепенно стал уделять все большее и большее внимание своим прямым обязанностям, дававшим ему двадцать пять тысяч долларов в год. Сначала он регулярно появлялся в конторе фирмы два раза в неделю, затем три и, наконец, четыре. Хотя существуют значительные разногласия в оценке степени пользы ФДР для фирмы, несомненно одно — Ф. Рузвельт широко использовал свои многочисленные знакомства для расширения ее клиентуры. Он сумел привлечь в число клиентов компании У. Мак Аду. «Фиделити энд Депозит» в результате успешных операций ФДР и Л. Хоу стала держателем значительной части ценных бумаг штата Нью-Йорк. Используя свое давнее знакомство с лидерами АФТ, Ф. Рузвельт добился для своей компании ведения части дел этой организации. Ему удалось сделать клиентом компании Э. Догени, магната нефтяной промышленности. В деловой переписке Ф. Рузвельт отзывался о нем «как о хорошем

друге». Почти следом за этим лестным отзывом Догени получил редкую национальную известность — как человек, избалованный в даче взятки министру внутренних дел в правительстве Гардинга в целях незаконного получения нефтеносных земель, зарезервированных за государством. Как-то по «Фиделити энд Депозит» поползли слухи, что инвалид ФДР мало работает, ибо не сидит днями в конторе. Он сухо ответил основному критику из числа служащих: прежде чем обвинять, ему бы «следовало познакомиться с большим числом крупных деятелей Нью-Йорка. Они в подавляющей части мои личные друзья и приходят завтракать в мою контору. Со своей стороны, я делаю все, чтобы привлечь их к делам компании».

С 1920 г. ФДР сотрудничал в юридической фирме с Т. Эмметом и Л. Марвином. Работа в ней — оформление всякого рода документов — не удовлетворяла Франклина: он считал ее скучной. Л. Марвин находил, что «большую часть времени Франклин отдавал политическим делам, написанию различных писем, связанных с ними. Я не помню, чтобы он активно занимался юриспруденцией». В 1924 г. ФДР решил выйти из фирмы. Большинству знакомых и друзей он объяснил, что ему надоело возиться с бумагами. Он жаловался также, что ему трудно подыматься в служебное помещение фирмы на Уолл-стрит, 52, куда вели крутые ступени, а ФДР не желал, чтобы кто-нибудь видел, как его вносят на руках. В письме к Блэку Рузвельт, помимо указанных аргументов, привел еще один: «Я не извлекаю ни одного цента от сотрудничества с ними, в то время как, если бы я работал с другими людьми по-иному, я мог бы иногда делать деньги». В декабре 1924 г. ФДР основал юридическую фирму, название которой — Ф. Рузвельт и О'Коннор — «начиналось с моего имени, а не кончалось им», как название прежней. Ее контора разместилась в том же здании, что и «Фиделити энд Депозит», Бродвей, 120. О'Коннор гарантировал ФДР доход не менее 10 тыс. долларов в год. Это осуществлялось и на деле. Фирма оказывала юридическую помощь крупным корпорациям.

В 20-е годы США охватила лихорадка спекуляций. В погоне за наживой возникали, молниеносно вырастали и так же стремительно терпели банкротство самые разнообразнейшие компании, акционерные общества и т. д. и т. п. Ловкачи набивали долларами карманы, мелкие вкладчики — простаки — разорялись. Хотя ФДР уже занимал два солидных поста, дававших ему 35 тыс. долл. в год, он с головой окунулся в спекулятивные операции. Объясняют этот период в жизни ФДР по-разному; одни видят в нем доказательство избытка жизненных сил, не подорванных болезнью, другие усматривают банальную страсть к обогащению.

В связи с американскими займами Германии денежный рынок США наводнили германские ценные бумаги. Марку лихорадило, чудовищная инфляция, казалось, открыла безграничные возможности умелым дельцам для наживы. В это время возникла канадская корпорация «Юнайтед Еуропиан Инвесторс», скупившая акции 19 германских предприятий и действовавшая два года в период самой злой инфляции в Германии. Когда курс марки стабилизировался, она была ликвидирована. ФДР заработал из воздуха 5 тыс. долларов. В 1927 г. Ф. Рузвельт вошел в состав правления «Интернешнл Германик Траст Компани», созданного для объединения американского и немецкого капитала. Основная цель компании формулировалась так: «обслуживать интересы лиц, поощряющих промышленное развитие Германии». Первое заседание правления состоялось в служебном кабинете ФДР. Далеко дело не пошло. Через полгода Ф. Рузвельт вовремя вышел из состава правления, честное любивое предприятие вскоре обанкротилось.

Ф. Рузвельт вступал в многочисленные финансовые объединения и промышленные компании, то безрезультатно старавшиеся найти нефть в США, то пытавшиеся организовать транспортировку грузов от Нью-Йорка до Чикаго через систему каналов и Великие Озера. Вместе с О. Юнгом и бывшим заместителем военного министра Б. Кроувеллом ФДР в 1923 г. основал серьезное предприятие «Дженерал Эр Сервис». Они надеялись наладить сообщение на дирижаблях между Нью-Йорком и Чикаго. Результаты оказались самыми плачевными: дирижабли не выдержали конкуренции самолетов. Обанкротилась блестящая на первый взгляд идея — продавать место для объявлений в такси, автобусах и трамваях. Рухнули планы создать сеть курортов в США, объединенных одной компанией. Хотя большая часть предприятий ФДР, не успев расцвести, терпела крах, некоторые из них приносили небольшую прибыль.

В Нью-Йорке богачи охотно лакомились омарами. Ф. Рузвельт решил стать монополистом по поставке омаров. Расчет был, казалось, безупречен — монополия компания ловит омаров, придерживает их на складе, а затем, когда цены подскочат, загребает барыши. Омары были изловлены и отправлены на склад. Однако недостаток их в меню не привел к повышению спроса на них и соответствующему увеличению цен. Посетители фешенебельных ресторанов прекрасно обходились без блюд из омаров. Итог — 26 тыс. долларов чистого убытка для Ф. Рузвельта, самая большая потеря за все годы его занятия бизнесом. Отныне стоило ФДР заикнуться об участии в очередном сомнительном деле, как Луи Хоу немедленно серьезно советовал поддержать благое начинание материально, инвестируя акции обанкротившейся компании по ловле и продаже омаров.

Омары изрядно подъели оборотный капитал ФДР, в другом предприятии он расточил толику своего политического капитала. В 1928 г. Ф. Рузвельт вместе с Г. Моргентау-старшим создали компанию магазинов-автоматов «Камко», а с Г. Моргентау-младшим — компанию «Фотоматон», установившую фотоавтоматы в магазинах, на железнодорожных станциях и в иных людных местах. Неплохой доход от автоматов подтверждал, что создатели компаний шли в ногу с технической революцией. Однако с наступлением кризиса в 1929 г. обе компании оказались на грани банкротства. И хотя Ф. Рузвельт с избранием губернатором штата Нью-Йорк ушел из числа директоров «Камко» и «Фотоматон», обвинение в том, что автоматы заменили людей и усугубили безработицу, не миновало его. Больше того, когда президент Ф. Рузвельт в 1934 г. обрушился «на эти несчастлившие десять лет, характеризующиеся сумасшедшей гонкой за незаработанными сокровищами», газета «Чикаго трибюн» злорадно осветила текущие дела «Камко»: «В свое время, чтобы привлечь неискушенных вкладчиков, компания обещала громадные прибыли. Ее акции котировались по 18 долларов. Недавно вы могли купить пару таких акций за 25 центов, и компания просит о реорганизации за счет своих кредиторов... В 1928 г. в числе ее директоров был Франклин Д. Рузвельт».

Капиталистическая печать не терпит неудачников.

В первом штате страны — Нью-Йорке — все грандиозно, включая название «Империал штат». Здесь находится подлинная столица Соединенных Штатов, финансово-промышленный мозг республики. Губернатор штата — весьма вероятный претендент на президентское кресло. Из шестнадцати президентов после гражданской войны 1861—1865 гг. девять в то или иное время были губернаторами Нью-Йорка. За пост губернатора и вступил в борьбу Ф. Рузвельт в середине октября, хотя он отчетливо понимал, что 1928 год сулит новую победу республиканцам в масштабе страны. Г. Гувер, кандидат в президенты от республиканской партии, ссылаясь на беспрецедентное процветание в минувшие годы и сулил американцу цыпленка в супе каждый день, а в гараже — пару автомобилей. Гувер обещал с помощью бога и на путях традиционной политики республиканцев «скоро изгнать бедность из страны».

В первые три дня 1300-мильной поездки по штату Ф. Рузвельт выступал с общими заявлениями, нападая на республиканцев. К вечеру третьего дня руководство партии спустило Ф. Рузвельта с небес федеральной политики на землю штата Нью-Йорк. Помощники ФДР получили телеграмму национального комитета партии: «Скажите кандидату, что он баллотируется не в президенты, а на пост губернатора, пусть он ограничит свои выступления делами штата». Ф. Рузвельт обратил оружие против своего прямого противника, А. Оттингера, опытного политика, выдвинутого республиканской партией. В подготовке тематически нацеленных речей Ф. Рузвельт нашел неограниченную помощь Самуила Розенмана, своего нового тридцатидвухлетнего помощника. Юрист по образованию и необычайно пунктуальный человек, Розенман подобрал объемистые досье по всем вопросам, касавшимся штата: трудовому законодательству, сельскому хозяйству, финансам и т. д. Начало их сотрудничества было тривиальным. «Сэм, — сказал Ф. Рузвельт, — я сейчас бегу, мне нужно повидать кое-кого из местных политических братьев. Боюсь, что буду занят весь вечер. Сделаем так: вы набросаете, что, по вашему мнению, я должен сказать завтра вечером, и утром дадите мне. Затем мы просмотрим проект вместе». Увидев изумление на лице Розенмана, Рузвельт под-

бодрил его улыбкой и кликнул слугу, который повез кандидата в кресле в другую комнату — переодеваться. Розенман скрупулезно выполнил задание, написал речь, изобиловавшую фактами о том, как республиканцы в легислатуре штата Нью-Йорк нарушают торжественные обещания в области трудового законодательства. Подсунув рукопись под дверь спальни Рузвельта, Розенман отправился спать, далеко не убежденный в успехе. Наутро ФДР нашел материал превосходным, хотя и суховатым. Рузвельт «оживил» речь, сделал несколько вставок, и вечером произнес. Аплодисменты. «Прекрасно, Сэм, хорошо сделано», — заметил после митинга ФДР. Так и пошло: они ездили по штату; впереди — легковая машина кандидата, следом — два автобуса, в одном — корреспонденты, в другом — помощники ФДР. Розенман неустанно трудился, подготавливая проекты речей; Рузвельт бегло читал их, подправлял и произносил. Избиратели тепло встречали Ф. Рузвельта. Почему? О чем говорил Франклин Д. Рузвельт? «Вы знаете, — говорил он, — обстановка сегодня не слишком отличается от тех дней, когда я был в сенате в 1911 и 1912 годах. Ал. Смит, Боб Вагнер, Джим Фоли и я боролись за социальное и рабочее законодательство. Я помню, что нас именovali социалистами и радикалами в то время. Я помню, как была взбешена моя бедная мамочка, решив, что ее сын стал социалистом». Эти рассуждения стали его излюбленной темой. Что было социализмом в 1911 г., стало неоспоримым американизмом в 1928 году. Равным образом: большая часть «коммунистического и радикального» нового курса 1933 г. стала частью республиканской платформы 1944 г.⁹ писал С. Розенман.

ФДР теперь стал отличным оратором и научился производить весьма благоприятное впечатление. Его выступления были удачными не только по содержанию, но и по форме. В заключение каждого из них он неизменно просил слушателей обратить внимание на то, как он выглядит. ФДР очень старался, чтобы не создало впечатление, что он инвалид. В одном месте зал, арендованный для предвыборного митинга, не имел входа на сцену; чтобы попасть на нее, нужно было пройти через центральный проход между рядами кресел. ФДР не хотел вызывать сочувствия, он взобрался по пожарной лестнице снаружи здания и так проник на сцену. Каравкаться по лестнице было мучительно трудно. Франклин мог использовать только руки. Но ни один из сидевших в зале ни о чем не догадался.

Успешная кампания ФДР в штате не могла спасти положения в национальном масштабе. Г. Гувер уверенно вел за собой страну. 6 ноября состоялись выборы. ФДР со своими помощниками следил за сообщениями о ходе голосования в отеле «Билтмор» в Нью-Йорке. Хотя демократы затратили на кампанию 7 млн. долл., всего на два миллиона меньше, чем республиканцы, деньги были выброшены на ветер. Уже к середине дня выяснилось, что демократы проигрывают по всей стране. Что касается выборов губернатора штата Нью-Йорк, то стало запаздывать поступление данных от ряда округов. ФДР и его советники хорошо знали американскую политическую жизнь и недолго гадали о причинах задержки: на местах ожидали окончательного национального вердикта с тем, чтобы «подправить» собственные результаты. Тогда Рузвельт пошел на крайнюю меру. Он связался по телефону с шерифами округов, откуда не поступали сообщения об итогах голосования. «У телефона Франклин Рузвельт, — говорил он. — Я слежу за голосованием из отеля «Билтмор» в Нью-Йорке. Данные из вашего округа необычайно запаздывают, и мне это не нравится. Если это будет продолжаться, я займусь вами, вы лично отвечаете за то, чтобы не было мошенничества при подсчетах. Если вам нужно поддержать порядок или обеспечить правильный подсчет, сообщите мне сюда, и я попрошу санкции губернатора штата на использование частей национальной гвардии, чтобы помочь вам». Дополнительно шерифам было сообщено, что «сто юристов» выедут в округа для проверки правильности выборов (что потом и было сделано, злоупотребления оказались незначительными). Это помогло.

Ф. Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк, получив 2 130 193 голоса против 2 104 629 голосов, отданных Оттингеру. Кандидат демократической партии в президенты А. Смит в том же штате получил на 100 тыс. голосов меньше Гувера; по всей стране преобладание республиканцев было громадным. Успех Ф. Рузвельта был исключением на выборах 1928 г., личной, а не партийной победой. При всем этом боль-

⁹ S. Rosenman. Working with Roosevelt. New York. 1952, p. 19.

шинство в 25 тыс. голосов было ничтожным. ФДР имел разумные основания в последующие два года шутливо именовать себя среди друзей «полпроцентным губернатором».

В губернаторский дворец вселился новый хозяин, сорокашестилетний Ф. Рузвельт. К этому времени он давно сформировался как политик, приобрел те черты, которые неизменно отличали его и в будущем, в бытность президентом. Окружающие по-прежнему были склонны видеть в нем прежде всего чрезмерный оптимизм, бьющую через край жизнерадостность. Тяжкие испытания болезни, казалось, не подорвали его бодрости, хотя он и не мог ходить, не опираясь на трость, а еще лучше — на чью-либо руку. Близкие находили, что после болезни ФДР как бы вторично родился, утратив свои некоторые неприятные качества. Раньше ФДР разбрасывался, теперь научился сосредоточиваться. Встречавшиеся с ним поражались обширным познаниям Франклина в самых различных областях. Он объяснял одному из них: «Вы, ходящие на двух ногах, проводите свободное время, играя в гольф, стреляете уток и т. д., в то время как все мои упражнения ограничиваются книгами». Победа на выборах в глазах ФДР была победой и над болезнью.

В окружавших его людях ФДР ценил прежде всего и исключительно верность. По этому принципу, а затем уже по деловым качествам он подобрал себе помощников в Олбани. С. Розенман, знавший ФДР всего несколько месяцев, был очень удивлен, получив назначение советником губернатора. Рузвельт откровенно сказал ему: «Я быстро распознаю людей и довольно хорошо понимаю их. Иногда инстинкт оказывается полезнее, чем длительное и всестороннее изучение». Г. Моргантау-младший был назначен председателем совещательного комитета по вопросам сельского хозяйства. Семья Моргантау всегда щедро финансировала политические предприятия ФДР. Секретарем штата стал Э. Флинн, профессиональный политик из Бронкса. Комиссаром по вопросам промышленности была назначена Фрэнсис Перкинс. Впервые в истории штата женщина занимала столь ответственный пост. Выдвижение ее в глазах ФДР было необходимо, дабы показать избирателям равноправие женщин.

Ф. Рузвельт не оставил ни малейших сомнений у своих сотрудников, что ключевые решения будут приниматься только им, а помощники имеют право совещательного голоса. «Я должен быть губернатором штата Нью-Йорк, и я буду им сам», — напутствовал он Ф. Перкинс, приступившую к исполнению своих обязанностей. Очень скоро выявилась и другая черта ФДР: нетерпимость к критике. «Франклин, — пишет Р. Тагвелл, — уже тогда имел тенденцию, хотя публично и сохранял хорошую мину, рассматривать критику как в лучшем случае недружественный акт, а в худшем — вредительство. Он решительно не терпел любой попытки поставить под сомнение его намерения или попытаться выяснить его мотивы... Он считал, что обладает привилегией иммунитета от критики. Те, кто не признавал этого и не предоставлял ему необходимого иммунитета, запечатлевались в его памяти. У него была поистине способность слона запоминать тех, кто причинил ему вред. В один прекрасный день виновный удивлялся, что не получил тех или иных благ. В конце концов таких лиц оказалось много. Никакие мольбы не могли изменить их положения и допустить их в кружок доверенных сотрудников. Что касается Франклина, они на веки вечные были подвергнуты оттракизму»¹⁰. Даже зная или догадываясь об этих качествах ФДР, все равно работать с ним было необычайно трудно. Помимо всего, лаконично замечает Д. Бирнс, «Франклин Рузвельт никогда не был одинаков с двумя любыми людьми»¹¹. О его намерениях современники в конечном счете могли только гадать.

Советники Ф. Рузвельта, работавшие в Олбани, неплохо разбирались в делах штата. Но предстояло завоевывать всю страну. Нужен был иной подход, если не качественный, то количественный, более широкий взгляд на национальные проблемы, а не со

¹⁰ R. Tugwell. The Democratic Roosevelt. New York. 1957, p. 192.

¹¹ J. Ygnès. All in One Lifetime. New York. 1958, p. 281.

специфической точки зрения ньюйоркцев. Кандидату в президенты требовались обширные знания. Розенман не переоценивал ни себя, ни своих коллег. Собственное бессилие подсказало выход. Как-то в марте 1932 г. он затеял необычный разговор с Рузвельтом. «Пришло время,— сказал Розенман,— собрать последние данные о бедах нашей экономики и выяснить, что делать с ней. Если бы вас выдвинули кандидатом завтра, а через десяток дней вам бы предстояло отправиться в предвыборное турне, положение оказалось бы необычайно трудным. У вас не было бы хорошо выработанной и продуманной положительной программы». ФДР не мог не согласиться с этим, но кто может помочь советом? Розенман решительно отверг промышленников, финансистов и политиков. «Все они,— убеждал он ФДР,— не смогли придумать ничего конструктивного, чтобы разобраться в нынешнем бедственном положении. Почему бы нам не обратиться в университеты? Вы уже получили немало полезного от профессоров. Я думаю, что они не испугаются наметить новые пути только потому, что эти пути новы. Они не связаны рутинным образом мышления, а это, на мой взгляд, самое важное»¹². Рузвельт горячо ухватился за эту идею.

Организационную сторону работы группы взяли на себя Розенман и партнер ФДР по юридическим делам в 20-е годы О'Коннор. Интеллектуальным руководителем стал профессор уголовного права и процесса Р. Моли, консервативный реалист по своим взглядам, не упускавший ни одного случая, чтобы посмеяться над сторонниками реформ — идеалистами. По проблемам сельского хозяйства давал советы профессор Р. Тагвелл, экспертом по денежному обращению и кредиту выступил профессор А. Берли. Эти пять человек, хотя они постоянно привлекали и других специалистов, составили группу интеллектуальных наставников кандидата. Сначала они шутливо именовали себя «Тайным советом», затем за ними укрепилось название «Мозгового треста», которое вошло в историю.

Члены «Мозгового треста» были удовлетворены работой с Рузвельтом. Он оказался очень способным учеником, схватывал идеи на лету. Ф. Рузвельт быстро понял объяснения о разрыве между покупательной способностью масс и производительными способностями страны. Моли призывал положить конец «анархии концентрированной экономической власти, которая, подобно орудью, сорвавшемуся на фрегате во время бури, носится по палубе, сокрушая все на пути». ФДР согласился и с этим, как и с тем, что нельзя и думать о разукрупнении концернов. Однако, признает Тагвелл, «ткань политики, которую он разрабатывал, создавалась в соответствии с замыслом мастера, о котором мы не имели ни малейшего представления». По существу, «Мозговой трест» давал строительные материалы, архитектором оставался Ф. Рузвельт.

Боевое крещение идеи «Мозгового треста», воспринятые Рузвельтом, получили в его речи по национальной радиосети 7 апреля 1932 года. Повод был малозначительным — передача организовала табачная фирма, рекламировавшая сигареты «Лаки Страйк», но с годами эта десятиминутная речь стала знаменитой и вошла в хрестоматию: «Говорят, что Наполеон проиграл битву у Ватерлоо, ибо он забыл о своей пехоте — поставил все на более заметной, но менее важной кавалерии. Нынешняя администрация в Вашингтоне очень похожа на него. Она либо забыла, либо не хочет вспомнить о пехоте нашей экономической армии. В переживаемые нами тяжелые времена нужны планы, базирующиеся на забытых, неорганизованных, но необходимых элементах экономической мощи, нужны планы... в которых возлагается надежда на забытого человека, находящегося в основе социальной пирамиды». ФДР с громадной серьезностью предупредил: «Ни одна нация не может существовать, наполовину обанкротившись. Мейн-стрит, Бродвей, фабрики, рудники закроются, если половина покупателей не сможет покупать». Необходимо увеличить покупательную способность половины населения США, особенно живущего в сельскохозяйственных районах; пресечь дальнейшее разорение и продажу с молотка ферм; расширить кредит фермерам и мелким предпринимателям; снизить тарифы, чтобы сбывать излишки товаров в других странах. «Пришло время мужественно признать, что мы находимся в чрезвычайном положении, по крайней мере равном войне. Мобилизуемся, чтобы справиться

¹² S. Rosenman. Op. cit., p. 57.

с ним»¹³. Введение в американский политический лексикон термина «забытый человек» и апелляция к нему оказались мастерским ударом. Пришел долгожданный национальный руководитель.

День 4 марта 1933 г. выдался холодным. Сильный северо-восточный ветер, низкие тучи, затянувшие небо, дождь. Вашингтон выглядел мрачным. К полудню, началу церемонии вступления в должность нового президента, около ста тысяч человек собрались у Капитолия. Люди усеяли площадь, взобрались на крыши домов; некоторые вскарабкались на голые деревья, гнувшиеся от ветра. Молчаливыми квадратами стояли войска, выстроенные для парада. Около полудня у выхода из Капитолия толпа оживилась, через нее, энергично работая локтями, пробирались новый вице-президент Гарнер, члены семьи Рузвельта, министры. В черном цилиндре вышел председатель Верховного суда Ч. Юз. Ему предстояло принять присягу президента. Он взобрался на трибуну, ветер нещадно трепал белую бороду и черную мантию старика. Проход от Капитолия к трибуне очистили. Ровно в двенадцать появился Ф. Рузвельт. Бледный, очень серьезный, он медленно шел под руку с Джеймсом к трибуне. Раздались жидкие аплодисменты, редкие возгласы приветствия. Грохот встречного марша оркестра морской пехоты заглушил все. «Обстановку, сопровождавшую смену правительства в Соединенных Штатах,— писал А. Крок,— можно сравнить с атмосферой, царившей в осажденной столице во время войны». Оркестр смолк. Юз громко и внятно прочитал присягу. Вместо обычного короткого «клянусь» ФДР повторил ее целиком, слово в слово. Перед ним лежала старинная семейная библия, привезенная из Гайд-Парка. Присяга принята, и президент Соединенных Штатов Франклин Д. Рузвельт обратился с речью к народу. Громкоговорители разносили его размеренный и твердый голос по площади, а десятки миллионов американцев слушали у радиоприемников. «Сегодня день национального посвящения»,— торжественно и сурово произнес Рузвельт. Пришло время сказать правду и всю правду. В энергичных выражениях президент обрушился на виновников кризиса — руководителей обмена товарами. Они «провалились из-за собственного упрямства, своей неспособности, признали свой провал и бежали... Они не имеют воображения, а когда его нет, народ погибает. Ростовщики бежали со своих высоких постов в храме нашей цивилизации». Первые, теперь дружные аплодисменты толпы. Он предупредил, что, если конгресс не примет необходимого законодательства, а кризис будет продолжаться, «я обращусь к конгрессу за единственным оружием для борьбы с кризисом — широкими полномочиями, столь же большими, какие бы потребовались нам в случае настоящей войны с вторгшимся врагом». Рузвельт драматически закончил свою речь: «Народ просил меня ввести дисциплину и указать путь под моим руководством. Народ сделал меня инструментом своей воли. В духе дара я принимаю его... Мы смиренно просим благословения бога. Пусть он защитит каждого и всякого среди нас. И пусть он ведет меня в грядущие дни».

Рев кавалерийских труб, возвестивший начало парада, последовал за речью президента. В радиоприемниках сигнал к прохождению войск прозвучал, как трубный глас. Американцы услышали голос вождя. По возвращении с церемонии в Белый дом газетчики окружили Э. Рузвельт, прося первую леди республике поделиться впечатлениями. «Было очень, очень торжественно и немножко страшно,— сказала она.— Собралась громадная толпа, и было ясно, что она готова сделать все, если только кто-нибудь подскажет ей, что делать». А Вашингтон — город чиновный, в нем нет промышленных предприятий... Фашистская печать Германии и Италии усмотрела в первой речи президента США новое доказательство бесполезности парламентаризма и демократии. Критиканствующий буржуазно-либеральный журнал «Нью Рипаблик» подчеркнул, что из сказанного Рузвельтом «наиболее ярко вырисовывается одно — преддверие диктатуры».

¹³ Речь была написана Р. Моли, термин «забытый человек» взят у У. Г. Самнера, который употребил его в 1883 г., имея в виду несколько иные категории людей, чем имел в виду ФДР. Самнер писал о среднем классе как «забытом».

(Продолжение следует.)